

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

О.Г. Санин

Михаил Григорьевич Собакин – руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел

Статья посвящена истории одного из важнейших отечественных архивов XVIII в. – Московскому архиву Коллегии иностранных дел. Этот архив являлся своеобразной витриной отечественных архивов XVIII в. Его руководители внесли немалый вклад в развитие российского архивного дела. Особое место в истории архива и в истории архивной мысли принадлежит М.Г. Собакину. В статье доказывается, что М.Г. Собакин был одним из первых российских архивистов, осознавших научную ценность архивов и понимавших, что архив – это важнейшая часть историко-культурного и национального достояния страны. В статье рассматривается биография М.Г. Собакина, его служебная карьера, анализируются его взгляды на организацию хранения документов. Важным аспектом статьи является анализ непростых взаимоотношений М.Г. Собакина с его преемником Г.Ф. Миллером.

Ключевые слова: Московский архив Коллегии иностранных дел, архивы, архивное дело, принцип происхождения, предметно-тематический принцип, XVIII век, М.Г. Собакин, Г.Ф. Миллер.

История отечественного архивного дела XVIII в. в целом неплохо изучена советскими и современными российскими историками. Но, к сожалению, при изучении истории отечественных архивов явно недостаточное место уделяется истории жизни и деятельности отдельных интересных личностей, чья жизнь в силу разных причин и обстоятельств оказалась связана с архивами. Архивная профессия не является публичной и представляет собой долгий, планомерный и кропотливый труд на благо сохранения историко-культурного наследия страны. Поэтому имена

многих талантливых архивистов зачастую неизвестны широкой публике. Вместе с тем изучение их деятельности чрезвычайно важно для понимания тех процессов, которые проходили в истории российских архивов, для осознания роли архива в жизни страны, общества и государства. Изучая историю жизни и деятельности известных архивистов XVIII в., мы можем осознать их роль в процессе становления отечественного архивного дела и исторической науки. В последнее время в отечественной исторической науке появлялись работы, посвященные жизни и деятельности некоторых видных российских архивистов XVIII в.: Г.Ф. Миллера, Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского и других. Но при этом, к сожалению, «забываются» те, кто своей кропотливой и плодотворной деятельностью подготовил процесс постепенного превращения отечественных архивов в своеобразные центры изучения истории и сохранения историко-культурного наследия страны. Одним из таких архивистов прошлого, безусловно, является Михаил Григорьевич Собакин, долгое время возглавлявший Московский архив Коллегии иностранных дел.

М.Г. Собакин (1720–1773) происходил из знатного боярского рода. Известно, что одним из его предков была третья жена Ивана Грозного Марфа Собакина. Его отец, Григорий Никифорович, входил в число бояр по Московскому списку начальных людей в 1708–1711 гг.¹

К сожалению, в архивах практически не сохранилось документов о детских и юношеских годах будущего видного российского архивиста. Известно, что в 1731 г. он оказался в числе первых учеников образованного императрицей Анной Иоанновной Сухопутного шляхетского (кадетского) корпуса. Это было элитное военное и гражданское учебное заведение, где могли учиться молодые люди, отпрыски знатных дворянских родов. В программу обучения наряду с естественными и гуманитарными дисциплинами входили также «науки», необходимые для «благородного сословия»: фехтование, танцы, живопись, поэзия и т. д. По завершении обучения молодым людям была практически обеспечена блестящая военная или гражданская карьера. Михаил Собакин был одним из лучших учеников. В итоговом аттестате, полученном по окончании шляхетского корпуса 23 октября 1738 г., было записано: «арифметику и геометрику все части окончал, знает с доказательствами твердо, переводит с немецкого на французский язык естемпоре (блестяще. – *О. С.*), фехтует в контру, рисует ландшафты (пейзажи. – *О. С.*) красками и портреты миниатюрою, универсальную историю и в географии разные карты прошел»². Таким образом, видно, что

Михаил Григорьевич сумел получить блестящее и всестороннее по тем временам образование. Среди интересов молодого дворянина можно особенно отметить его интерес к поэзии. Во второй половине 1730-х гг. он вполне справедливо считался одним из лучших петербургских поэтов. В 1737 г. он сочинил блестящее стихотворение по случаю взятия русскими войсками Азова в Русско-турецкой войне³.

В следующем 1738 г. он сочинил оду на день рождения императрицы Анны Иоанновны. Его стихотворение «Радости столичного града» считалось одним из лучших стихотворений своего времени⁴. Литературное творчество М.Г. Собакина как одного из первых российских поэтов XVIII века, к сожалению, недостаточно исследовано историками русского языка и литературы.

В октябре 1738 г. М.Г. Собакин был выпущен из Шляхетского корпуса в чине поручика. В дальнейшем он служил адъютантом при фельдмаршале графе Ласси, участвовал в Русско-турецкой войне, по поручению Ласси выполнял «секретную комиссию» в Новгороде, по указу Кабинета направлялся в Тобольск для проверки деятельности Сибирской губернской администрации. В конце 1740 г. указом из Военной коллегии был определен к генералу Бисмарку флигель-адъютантом капитанского ранга. В 1741 г. по указу Кабинета министров был послан «с комиссиею» к находившемуся при Польском короле и саксонском курфюрсте Августе III русскому послу графу Кейзерлингу. В конце 1741 г. по состоянию здоровья (сильная травма глаза) М.Г. Собакин был уволен от военной службы. По определению Правительствующего Сената он был пожалован в чин коллежского асессора и по резолюции Кабинета министров «велено ему быть тем же чином в Государственной Коллегии иностранных дел по знанию его чужестранных языков»⁵.

В Коллегии иностранных дел Собакин был тут же зачислен на должность асессора публичной экспедиции, отвечавшей за делопроизводство и хранение документов. В начале 1742 г. ему было поручено возглавить Петербургский архив коллегии.

В качестве архивариуса М.Г. Собакин организовывал работу по описанию документов архива и его комплектованию дипломатической документацией. Помимо документов структурных подразделений коллегии архив активно пополнялся дипломатическими документами из других хранилищ. Так, например, при М.Г. Собакине в июле 1742 г. в архив поступили на хранение дипломатические документы из личных собраний опальных А.И. Остермана и Г.Б. Миниха. Примечательно, что все документы поступили на

хранение в обработанном виде и строго по описям⁶. Именно там, в Петербургском архиве, М.Г. Собакин получил необходимый опыт архивной работы. Тогда же и начали формироваться его представления о лучшей организации архива как места хранения документов. В дальнейшем этот свой опыт он активно использовал в работе в качестве руководителя Московского архива коллегии.

Необходимо отметить, что в Коллегии иностранных дел к 1740-м гг. сложилась самая сложная среди всех коллегий система хранения документов. В 1720 г. при образовании Коллегии был тут же образован ее Петербургский архив как место хранения текущей дипломатической документации. Бывший архив Посольского приказа, имевший преимущественно справочное и историческое значение, в 1722–1724 гг. был преобразован в Московский архив Коллегии иностранных дел. По мере того как документы теряли свое практическое значение, они перевозились на хранение в Москву. Таким образом, Московский архив Коллегии иностранных дел постепенно становился первым ведомственным историческим архивом России.

Состояние МАКИД в 1720–1730-х гг. в целом было крайне неудовлетворительным. Архив был расположен в старом здании приказов в Кремле, которое постепенно приходило в негодность. Попытки первых руководителей архива – Петра Курбатова, Михаила Ларионова и Семена Смирнова добиться от Коллегии выделения средств на капитальный ремонт здания, как правило, ни к чему не приводили. Секретарь архива Семен Смирнов в донесениях писал о тяжелом состоянии помещения архива, где «государственные крепости... от великой сырости заплесневели... а иные отчасти и погнили»⁷. Единственным способом спасения документов становилась их регулярная просушка и перенос наиболее ценных документов в более сухие помещения. Потери архива были весьма значительные. Так, например, в 1736 г. обнаружилось, что в одном сундуке сгнили «оригинальные турецкие грамоты», хранившиеся в «запечатанных пакетах»⁸. Сами архивные документы по старинке хранились в ящиках, сундуках, баулах и «коробьях», что приводило к серьезному замедлению в поиске документов и к их повреждениям. Значительная часть документов не была описана, что серьезно затрудняло работу по ответам на запросы коллегии. Причина этого заключалась в плохом состоянии помещений, нехватке подготовленных кадров, а также большой текущей справочной работе по запросам коллегии. Секретарь архива Семен Смирнов писал в доношении от 24 февраля 1738 г.:

А медленность в разборе и в описи дел в архиве чинилась... от многих весьма непрестанных приисков и с сысканного в копировании за самым малым числом в архиве служителей... о чем неоднократно в Государственную коллегию... доношениями... представливо. О том в архиве... без прибавки служителей исправлятца и исправлять весьма будет продолжительно и в порядок приводить в скором времени невозможно, понеже приказные дела все перемешаны, а столпы старых лет едва не все ветхи и росклеились и перемешены, а иных не токмо клеить, но и разобрать и столбец к столбцу как дело гласит подобрать никак невозможно⁹.

Бедственное состояние архива не устраивало коллегию. Слабая систематизация приводила к долгому поиску документов и к задержкам ответов даже на самые срочные запросы. Поэтому 18 февраля 1744 г. в Коллегии иностранных дел имелось «рассуждение об архиве, в котором дела и поныне не токмо еще не описаны, но порядочно не разобраны, а дело сие весьма нужное». В результате этого «рассуждения» Михаил Григорьевич Собакин был назначен «главным при архиве той Коллегии старом и новом, в котором находятся дела происшедшие от давних лет с иностранными областями».

Собакину, вместе с назначенными в архив канцелярскими служителями, поручалось разбирать и описывать хранившиеся в архиве и вновь поступившие дела, «дабы сие дело, то есть архив, в надлежащую исправность и порядок как возможно скорее привести... а в архиве ему ассессору и канцелярским служителям подтверждается приезд иметь по регламенту и сидеть пополудню до трех часов»¹⁰.

При разборке и описании дел Собакину предлагалось руководствоваться инструкцией, составленной 24 марта 1720 г. канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым для архивариуса Коллегии иностранных дел Алексея Почайнова, в соответствии с которой ему надлежало разобрать документальные материалы по государству, т. е. так, как эти материалы хранились в архиве Посольского приказа, затем описывать их с указанием инвентарных номеров и, наконец, сложить для хранения в шкафах¹¹. При этом Собакин имел право при необходимости отходить от вышеописанной инструкции. В этом случае ему предписывалось «сочинить изъяснение или проект обстоятельной инструкции о всем архиве и оной к апробации представить без умедления»¹².

Под руководством Собакина в архиве началась огромная работа по упорядочению и организации архивных материалов. В первом своем донесении в Коллегию от 28 февраля 1744 г. Собакин критиковал систематизацию дел, произведенную Алексеем Почайновым

в Петербургском архиве Коллегии. Согласно инструкции Почайнова вся министерская корреспонденция делилась по алфавиту – по первой букве фамилии корреспондента и адресата. Например, письмо князя Куракина, находившегося в Голландии, князю Долгорукову во Францию помещалось под буквой «К», а ответ на это письмо князя Долгорукова – под буквой «Д», письмо князя Куракина князю Головкину под буквой «Г». «И тако при одном деле надо искать приложений в трех местах, а во всяком из тех целова уведомления о деле нет». Собакин протестовал против такой систематизации дел, он требовал, чтобы все письма относительно одного вопроса были объединены и составили одно дело. Это должно было значительно облегчить поиск документов и справочную работу архива.

Далее Собакин обратил внимание на то, что в архиве хранится множество неразобранных вотчинных, поместных и других дел, не относящихся к профилю архива и затруднявших работу по его упорядочению. Эти дела он предложил разобрать и отдать в те коллегии, к деятельности которых они относятся. При этом необходимо было выявить в первую очередь Посольские и «секретные» дела, которые должны были остаться в архиве. Разборку непрофильных дел должны проводить откомандированные сотрудники других коллегий, при этом в архиве оставались бы их росписи и расписки о передаче. После можно было приступить к разборке и описанию дипломатических дел самого архива.

Большим препятствием для упорядочения дел являлось помещение архива, тесное, темное и сырое. Собакин обратил внимание на нехватку шкафов и неудобство работы с документами, хранящихся в сундуках, так как «в сундуке для одного письмеца вытаскивать все до дна часто случится». Для лучшего поиска он рекомендовал дела положить в шкафы с надписями «наружу». Сами же «палаты» архива «очень малы и темны к разбору таких дел, которых от древности чуть видны», «а у других от мокроты стен мох в казармах». Катастрофически не хватало и сотрудников (секретарь, переводчик, канцелярист и три копииста). В результате «не токмо разбирать, но и готового переписать некому»¹³.

5 марта 1744 г. Коллегия рассмотрела донесение Собакина. Ему разрешалось отказаться в разборе и описании дел от инструкции 1720 г. и разбирать и описывать дела по собственному плану. В частности, все документы по одному и тому же вопросу объединялись в одно дело. Сами дела должны были храниться по государствам. Министерскую переписку предполагалось располагать в книгах так: в одной книге грамоты и рескрипты, в другой протоколы,

в третьей реляции русских министров из-за рубежа, в четвертой переписка с иностранными министрами. Все материалы в книгах должны располагаться по годам и книги одного года должны храниться в одном месте. Для укрепления кадрового состава архива Собакину было обещано передать дополнительно двух секретарей, двух переводчиков, канцеляриста и двух копиистов¹⁴.

После одобрения коллегией М.Г. Собакин приступил к разборке и систематизации дел архива. При этом Собакин проводил сверку их с предыдущими описаниями. В 1746 г. он писал в Коллегию, что при разборке хранившихся в архиве дел и сверке их с описью 1673 г., составленной боярином А.С. Матвеевым, не было обнаружено несколько дел. В описи около таких дел имелись пометы о передаче их в Мастерскую палату или Разрядный приказ. Собакин просил Коллегию потребовать возвращения указанных дел в Московский архив. Одновременно он поставил вопрос о необходимости собрать в архиве все дела, относящиеся к деятельности Коллегии и к внешней политике России¹⁵.

Подготовка к разборке архива была в основном завершена к концу 1747 г. По результатам этой работы в декабре 1747 г. Собакиным был составлен развернутый план реорганизации и описания документов архива.

По плану М.Г. Собакина весь архив делился на две части – «новый архив» и «старый архив». «Старый архив» включал все документальные материалы, образовавшиеся в деятельности Посольского приказа до 1700 г.

В состав «нового архива» входили документальные материалы «такие же с 1700 года по нынешнее время, которые из Коллегии положены в архив», т. е. материалы, отложившиеся в деятельности Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел и ее Конторы с 1700 г.

Все документальные материалы «старого архива» для лучшего поиска должны быть расположены в шкафах, помеченных буквами алфавита. На полках каждого шкафа пишется дата от Рождества Христова, «понеже писанные в тех делах лета от создания мира по нонешнему необыкновению в скором понятии весьма мешать станут». В первом шкафу сверху «положатся самые старинные внутренние государственные письма, то-есть государей, великих князей утвердительные грамоты к ним, от великих княжений при- сяжные записи, их же великих князей между собой докончальные грамоты, то-есть договоры, постановления, союзы, духовные и протчие, как оригиналы, так и списки по годам где есть, а где нет, те по именам выбрав из генеологии; тут же, ежели войдут, родословия

их и описания жизни их, кто кого старея жил, церемониалы, летописи и касающиеся о целой Российской империи известия и книги, в которых древних государей приемы и отпуски послом чужестранным и своим отправления к чужестранным дворам; оные хотя и к разным дворам принадлежащие дела содержат, но понеже те книги списаны с дел рядом и переплетены, то их разбирать и распределить неудобно и не надобно. И для того те старинные книги в сей же шкаф для древности положить и тот шкаф назначить литерою “А”. Если все материалы в одном шкафу не разместятся, они могут быть положены в другом шкафу, но так же помеченном буквой “А”»¹⁶.

По плану Собакина на материалы каждого шкафа должны быть составлены описи, на основе которых впоследствии составляется общая опись на материалы всего архива. Все описи должны скрепляться по листам секретарем архива или самим Собакиным.

Упорядочению дел архива мешали частые требования дел «кусками в разные места». Чаще всего дела отправлялись в Петербург в Коллегию иностранных дел, в Сенат и его Московскую контору. Зачастую востребованные дела не возвращались, и архиву приходилось обращаться с просьбой об их возвращении. Во избежание этого Собакиным предлагалось на место каждого дела класть записку, когда и по какому указу было взято дело. По возвращении дела записка уничтожается, а «в случае утраты дела такая записка за свидетельство служить может» (Л. 240 об.).

Начиная со второго шкафа материалы располагались по государствам. Во втором шкафу Собакин рекомендовал разместить «Римско-цесарского двора дела, вначале старые грамоты оригинальные и списки грамот от них сюда, а отсюда к ним, концепты, договоры, приемы и отпуски послам, записки конференциям, дача корму и статейные списки наших послом при сем дворе и прочие до того двора принадлежащие дела». На полках, как и в первом шкафу, проставлялись даты от Рождества Христова.

Если встречался столбец, в котором находились отпуски к разным послам и к разным дворам, то такой столбец рекомендовалось отнести к государству, к которому было больше адресовано документов. При этом Собакин не рекомендовал расклеивать все столбцы, как указывалось в инструкции А. Почайнову. «Если столбец написан на обеих сторонах, тогда при переплете в книгу листы разъединяются и трудно будет уловить смысл написанного» (Л. 245–246 об.).

В третьем шкафу размещаются испанские дела, в таком же порядке, как указано выше. Третий шкаф помечается буквой «В». В четвертом шкафу под буквой «Г» и в последующих размещаются

французские и другие дела в следующем порядке: «королевские и протчих европейских христианских владетелей, потом республик христианских, а потом азиатских государей и протчих тех частей земель дела, одни под другим по старшинству в разных шкафах с показанным вверху учреждением расположатся».

Греческие патриаршие дела, монастырские жалованные грамоты, сбор милостыни и другие документы по отношениям с православным Востоком предлагалось хранить в особом шкафу. Отдельно должны быть положены «архиерейские и монастырские внутренние дела, то есть жалованные им грамоты и те их все письма, которые к отсылке в другие коллегии не следуют».

Малороссийские и запорожские должны быть помещены в отдельный шкаф. Так же следовало поступать с делами Новгородской четверти и княжества Смоленского.

Все приказные дела по городам, управляемым Посольским приказом, и разные дела по челобитьям Собакин предлагал так же хранить особо на том основании, что «все оные челобитческие дела весьма мало или ничего не служат и потому такового, как о протчих делах попечения недостойны, тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда же решение чинено, письма остались ненужны» (Л. 247–247 об., 248 об. – 250).

Новый архив должен располагаться в другом помещении, во избежание смешения со «старым архивом». Новый архив включает материалы с 1700 г. Он должен быть размещен в шкафах в таком же порядке, что и «старый архив». Дела «нового архива» более важны и больше требуются в справочном отношении. Для сохранности необходимо все их пронумеровать по листам и в конце каждого дела проставлять общее количество листов. Дела, сданные в архив Кабинетом и ранее хранившиеся отдельно, Собакин предложил разделить: «которые по дворам принадлежать могут с протчими по дворам разложенными быть, а которые к российским министрам и генералитету, рескрипты и от них реляции, доклады и рапорты, те особливими столпами». Те и другие дела должны быть расположены по годам.

Собакин заканчивает свой проект утверждением, что когда архив будет приведен в порядок, «то прииск дел будет тогда столь легок и весел, сколь ныне тяжек и досаден, и что ныне с потом трудяся отыщешь, то тогда прямо подошедши из места вынуть готовое, и как потому работы из ста частей девяносто девять отойдет, а останется одна, тогда оставшиеся небольшие погрешности и поправки довольно времени найдется исправить» (Л. 250 об. – 252).

Говоря о проекте М.Г. Собакина, нельзя не отметить, что М.Г. Собакин в своих донесениях часто обращал внимание на плохой качественный состав служащих архива. В своем донесении об отправке в Петербург проекта он высказывал целый ряд предложений об улучшении кадрового состава архива. В частности, предлагал активно привлекать к работе в архиве студентов Славяно-греко-латинской академии. Из них можно «людей выбрать, которые в латинском и польских письмах могут и переводчикам сделать несколько облегчение и разбор дел пойдет скорее» (Л. 255). По его мнению, студенты «хотя б и сколько подлого воспитания ни были», более подготовлены к работе в архиве, нежели обычные канцелярские служащие в силу более высокого образования и неспособности к использованию документов в своих корыстных целях. Таким образом, Собакин прямо и четко обосновывал необходимость для архивных сотрудников высшего гуманитарного образования и высоких личных человеческих качеств (Л. 255 об.).

Важное значение имело выдвинутое Собакиным обоснование значения архива для изучения отечественной и зарубежной истории. Описывая расположение дел в архиве, он предлагал положить в особый шкаф «записки, касающиеся до внутренности России со всеми к ним принадлежностями». В этом же шкафу предлагалось собрать и положить «служащие к написанию гистории дела, особливо внутренния великия, а также... гисторические известия не токмо из чужестранных корреспонденций, которые по дворам разположаться и из летописцов, но и из партикулярных описаний и из смешанных с другими дел выбраны быть могут те, которые достоверными признать по каким доказательствам можно весьма годятся» (Л. 248–248 об.). Можно предположить, что М.Г. Собакин являлся одним из первых российских архивистов, осознавших не только практическое, но и научно-историческое значение архивных документов.

В целом план Собакина оказал значительное воздействие на развитие отечественной архивоведческой мысли XVIII в. Значение этого плана состояло в следующем:

Во-первых, Собакин предлагал разделить все документальные материалы Московского архива Коллегии иностранных дел на две части по хронологическому признаку, на старый и новый архив, с разграничительной датой между ними 1700 годом. МАКИД, таким образом, окончательно приобретал характер ведомственного исторического архива.

Во-вторых, Собакин предусматривал хранить дипломатические материалы по государствам с составлением описей на каждую

группу материалов. Отдельно должны были храниться все материалы внутригосударственного содержания (приказные дела, материалы других приказов и др.).

Очевидно, что в своем проекте Собакин исходил из фактического состояния архива. Подобная же система хранения дел существовала еще в Посольском приказе XVII в. Этот принцип хранения Собакин логически распространил и на документальные материалы XVIII в. Правда, при этом осуществлялось раздробление отдельных сложившихся фондов, например Кабинета, самой Коллегии и др. Размещение и описание дел по шкафам имело своей целью сохранить материалы, облегчить их поиск и улучшить доступ к ним для использования.

В целом план Собакина был весьма реалистичным и способствовал формированию в отечественном архивоведении фондового принципа организации архива. Нельзя не согласиться с выводом Т.И. Хорхординой о том, что «за уважительное отношение к “старым” делам и максимально возможное в условиях XVIII века учитывание их сложившейся (фондовой) структуры М.Г. Собакин заслуживает почетное место в истории создания научной основы архивоведения»¹⁷.

К концу 1747 г. в архиве уже шла активная работа по его разборке и описанию в соответствии с проектом Собакина. Об этом говорят его многочисленные донесения в коллегию за 1744–1747 гг. 22 декабря 1747 г. Собакин писал, что старый архив по 1720 год разбирается и описывается по дворам и повытьям:

Нового архива делать всем есть реестры, по которым по окончании старого надлежит освидетельствовать... По первое число прошлого 1746 году разных повытий внешних и внутренних государственных и протчих всяких дел разобранных означено столпов 29 625, а с упомянутого числа сего текущего 1747 году декабря по 13 число, описано и регистрировано книг в переплете в десть и полдесть внешних и внутренних 1011. Да неописанных столпов, тетрадей и отрывков 11 сундуков больших, 7 ящиков, 2 коробки. Да в двух кучах, например, ящика с два тетрадей, да на двух столах, например, сундуков с 6¹⁸.

Это донесение говорит, что большая часть документальных материалов архива находилась в относительном порядке, в том числе и весь новый архив. Наконец, на основании этого документа видно фактическое существование старого и нового архивов, с разграничительной датой 1720 г. (год начала функционирования Коллегии иностранных дел и ее архивов).

Однако начать реализацию своего плана и окончательно привести архив в порядок Собакину не удалось. Еще до отправки своего плана на обсуждение в коллегию 10 декабря 1747 г. Собакин был переведен в Санкт-Петербург на должность канцелярии советника. Архив был передан под управление руководителю московской конторы Коллегии статского советника Ивана Топильского. Именно на него были возложены реализация и практическое применение плана Собакина¹⁹. Одновременно с этими изменениями в архиве произошла и серьезная неприятность: в ночь с 20 на 21 декабря 1747 г. в здании архива случился сильный пожар. Стараниями Собакина и других сотрудников документы удалось спасти, пострадали только некоторые «челобитческие», смоленские и приказные дела²⁰. Вместе с тем случившийся пожар привел к значительным перемещениям внутри архива уже разобранных материалов, что серьезно затруднило дальнейшую работу по приведению архива в порядок.

Несмотря на переезд в Петербург, Собакин постоянно оставался в курсе всех дел архива. 11 октября 1748 г. в донесении он окончательно подвел итог своей деятельности, сообщил о состоянии архива: «Главнейшие дела старого архива, то есть родословные государей российских и иные трактаты, конвенции и грамоты разобраны и описаны». Если к 11 января 1748 г. было разобрано и описано «Старого архива разных дел и столпов больших и малых» 46 412 единиц, то к сентябрю того же года описали еще 3825 единиц. Собакин был в целом доволен этими результатами и добавляет: «сие, кажется, по причине малолюдства или за отрывою архивных служителей к другим делам произошло». Далее Собакин пишет, что еще много хлопот предстоит впереди. «Старого архива дел, надеюсь две трети разобрано, а одна еще по малой мере осталась, ибо обеих старого и нового архива дел без новоприбавочных, больше трех сот сундуков больших и малых было и потому видно, что число дел положенных в них не мало».

Несмотря на не лучшее состояние архива, где всю продолжалась перегруппировка документов, Собакин снова ставит вопрос о дальнейшей концентрации материалов в архив. Он напоминал, что в Конторе и в Петербургском архиве Коллегии иностранных дел еще остались дела, «которые за несколько лет стоят», и которые, по его мнению, необходимо сдать в Московский архив, предварительно составив описи, «потому что настоящему собранию дел коллежских быть должно в одном месте». В заключение Собакин добавляет, что когда все дела архива разобраны будут, их надо будет снова пересмотреть и перенумеровать, а затем уже писать «рописи двойные, как в проекте изъяснено»²¹.

Перевод Собакина в Санкт-Петербург в целом плохо отразился на архиве. Темпы работ по разбору и описанию дел резко упали. Это было вызвано следующими причинами: традиционной нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием приспособленных помещений, а также тем, что разработанный Собакиным проект надолго «застрял» в бюрократических инстанциях Коллегии. Кроме того, новый архивный руководитель Иван Топильский (кстати бывший секретарь печально известной мрачной Тайной канцелярии) был занят в основном делами Конторы и нуждам архива уделял мало внимания. В условиях отсутствия должного контроля сотрудники архива занимались в основном описанием «нового архива». Работа со «старым архивом» практически прекратилась. Причины этого заключались в неприспособленности помещения архива, а также в отсутствии кадров, хорошо знакомых с традициями приказного делопроизводства и обладающих навыками чтения документов XVII в. Не помогла и проведенная в 1756 г. бюрократическая реорганизация архива, связанная с его разделением на секретную и публичную экспедиции²².

Сам же Собакин после перевода в Санкт-Петербург был назначен советником Малороссийской экспедиции при Коллегии иностранных дел. Несмотря на это, он продолжал принимать активное участие в судьбе архива, плачевное состояние которого его сильно беспокоило. Ни одно обсуждение в Коллегии дел архива, ни одна его реорганизация не проходили без активного участия М.Г. Собакина. Кроме того, М.Г. Собакин несколько раз ввиду тяжелого состояния здоровья ездил на лечение «на воды» в Европу (Аахен, Лейден, Париж, Женева, Италия). Часто бывая за границей, он, как видно из его писем и отчетов, безусловно, интересовался состоянием местных государственных архивов, сравнивал их положение с положением Московского архива КИД. Безусловно, эти сравнения были отнюдь не в пользу Московского архива²³.

Вернувшись с очередного лечения 14 марта 1756 г. он отправил в Коллегию свое «Мнение об архиве», в котором изложил взгляды на роль, функции и значение архива в жизни общества и государства. Данный документ, на наш взгляд, чрезвычайно интересен в плане развития отечественной архивоведческой мысли. Он показывает, как в передовых, наиболее образованных кругах российского общества, в профессиональной среде архивистов начинает зарождаться новое представление об архиве, не только как о «присутственном» государственном месте, но и как культурном и научно-исследовательском учреждении, в задачу которого входит сохранение историко-документального наследия страны.

Оно начиналось с рассуждений о пользе и важности архива в жизни Российского государства и общества. Собакин отмечает, что архив коллегии иностранных дел, как главный политический архив страны, находится в гораздо более бедственном положении, нежели архивы других европейских стран. По его мнению, хорошее состояние «Государственного архива» может принести «Отечеству славу, а с славой и многую по делам может приносить пользу». Причем под пользой от архива он понимал не только использование документов в практической работе государственных учреждений, но и сохранение «древностей» для пользы и воспитания потомства²⁴.

Именно польза Отечества двигала реформами Петра I, одной из которых, по мнению Собакина, была организация системы архивов в России. Автор отмечает, что в планах Петра I было создание двух государственных архивов (при Ревизион-коллегии для хранения финансовых дел, и при Коллегии иностранных дел – для дел политических). Отмечается, что эта идея была чрезвычайно полезной для лучшей организации хранения и использования архивных документов. Таким образом, М.Г. Собакин здесь выступает как убежденный сторонник идеи централизованного общегосударственного управления архивами.

М.Г. Собакин с горечью писал о тяжелом состоянии архива, которое не позволяло выполнять стоящие перед ним задачи. Его «Мнение об архиве» стало своеобразным обращением к высокопоставленным чиновникам не только Коллегии, но и всего государства с разъяснением важного государственного значения архивов:

Совсем видится было б излишне в пространное здесь вступать в разсуждение, как о нужде и потребности, так и о важности и пользе того, чтоб Государственной Коллегии иностранных дел архив приведен и всегда содержан был в изрядном порядке... (Л. 65–65 об.).

Сколько в этих словах боли и тревоги за состояние архива! Видно, что Собакин блестяще понимает не только государственную и политическую, но и научно-историческую ценность хранящихся в МАКИД документов. По сути дела, эти слова являются громким призывом к власти наконец-то обратить внимание на скромные нужды архива.

Далее М.Г. Собакин совершает своеобразный экскурс в историю отечественного архивного дела. Он вполне справедливо отмечает особенности хранения документов в приказах (хранение документов непосредственно при делопроизводстве, а также по структурным подразделениям – столам и повытьям):

До нынешнего века не чаятельно, чтоб имя Архив здесь в приказах знакомо было, а дела старья хранились по повытьем – и каждой старой подъячей имел верныя описи делам своего повытья²⁵.

В целом, по его мнению, состояние Архива при Посольском приказе было довольно приличное, он имел подходящие помещения и качественные описи. Однако после 1700 года ситуация с хранением документов по его мнению резко ухудшилась, что было вызвано ослаблением внимания правительства к нуждам архива из-за многочисленных переездов правительственных учреждений, а также постоянных войн и походов. Он писал:

Не по нерадению прежних министров, ибо ктоб мог конечно сказать, чтоб они не желали видеть Государственный Архив в добром порядке, но знатно происходило, что от множества настоящих тогда важных дел, а наипаче от военных почти без прерывных тогда времен и походов, чем они столько обременены были, что об архиве и мыслити времяни им не доставало (Л. 65а).

К числу важнейших проблем, которые мешают описанию, обработке и приведению архива в порядок, М.Г. Собакин относит также и крайне плачевное состояние старого приказного здания XVII в., в котором находился архив:

Место, где мнимой разбор и опись делаются, совсем неудобно, как по тесноте палат, так и по niskости их, отчего беспрестанная там почти стоит сырость, и хотя неоднократно требовано было под Архив палат, где была Ямская канцелярия, как наилутче пристойное к тому место, но потому и по ныне ничего не воспоследовало.

Лучший способ решить эту проблему, по его мнению – выделение отдельных самостоятельных сумм на...

...строении под него Палат и в убранстве и чистоте оных, наподобие библиотек наилутче разпоряженных, чтоб всякому выйтить и осмотреть приятно было. К чему потребно прежде установить чрез искусного архитектора чертеж, по которому поручить ему ж и все к тому принадлежащие строения с некоторыми пристойными внутри украшениями (Л. 65 об.).

Таким образом, М.Г. Собакин первым среди российских архивистов говорил о необходимости построения для архива специаль-

но спроектированного здания. Данная идея в России впервые была реализована только через 130 лет, когда по инициативе Н.В. Калачова было построено специальное здание для Московского архива Министерства юстиции.

Однако наибольшей проблемой, по мнению архивиста, является проблема квалифицированных архивных кадров. Собакин с горечью писал, что архив становится по сути дела местом прибежища явно неподготовленных людей.

В результате в самой коллегии утверждается несправедливое мнение о том, что архив – это место ссылки самых неприспособленных для повседневной работы людей, что, безусловно, плохо влияет и на заинтересованность самих архивистов в работе:

Такое затверделое у всех мнение совсем уж приводит человека в недействие отнятием у него охоты и ревности и какого б он в протчем доброго состояния ни был, всегда во мнении своем содержать станет, что он брошенной человек. Не то всякого ободряет к ревностному прилежанию по должности своего звания, но ожидать онаго действия надлежит или от похвалы или от награждения или от другой какой полезной себе надежды, а ежели ничего такого для себя кто не предусматривает, все ево душевныя силы остаются в недействии, ежели он хотя малым видит себя просвещенна разумом (Л. 65а об. – 65б).

Еще одной проблемой является отсутствие у архивистов глубокого образования, знания истории, политики, географии, что, безусловно, мешает качественному составлению описей. Лучший способ разрешения этой проблемы – приглашение в архив молодых и образованных студентов. Забегая вперед, нужно сказать, что сам М.Г. Собакин в 1762 г. пригласил на работу в архив студента Московского университета Н.Н. Бантыш-Каменского и преподавателя французского языка М.Н. Соколовского, которые впоследствии внесли огромный вклад в развитие отечественных архивов и архивного дела.

Таковы были основные положения и идеи, изложенные М.Г. Собакиным в «Мнении об архиве», которое было отослано в Коллегию иностранных дел, откуда впоследствии попало в МАКИД. В настоящее время оно хранится в РГАДА в фонде 180 «Канцелярия МГАМИД» и представляет собой чистовую рукопись на 6 листах.

Активная государственная и общественная деятельность М.Г. Собакина плохо сказывалась на состоянии его здоровья. В 1755–1756 гг. он несколько раз брал отпуска для лечения за границей (Аахен, Лейден, Париж, Женева, Италия). В конце концов,

в октябре 1757 г. он написал прошение об отставке и о разрешении вернуться в Москву. Данное прошение долго лежало без движения и только 12 октября 1758 г. Коллегия определила отправить М.Г. Собакина в бессрочный отпуск с разрешением жить в Москве²⁶. Однако «отпуск» продлился недолго. Виной этому была тяжелая ситуация, сложившаяся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Как уже говорилось выше, после отъезда Собакина в 1748 г. в Петербург новые руководители архива практически ничего не сделали по его разборке и описанию. В конце концов 13 октября 1759 г. Коллегия почти через 12 лет утвердила проект Собакина²⁷. 26 мая 1760 г. после смерти Ивана Топильского М.Г. Собакин получил чин статского советника и был назначен руководителем МАКИД. Таким образом, состоялось его «второе пришествие» в архив²⁸. С этого времени он наконец-то получил возможность организовать архив в полном соответствии со своим проектом.

Несмотря на состояние здоровья, М.Г. Собакин активно приступил к работе по приведению архива в порядок. По представлению Собакина Коллегия 31 октября 1762 г. распорядилась о проведении скорейшего ремонта старого приказного здания, где располагался архив²⁹. Но ремонт оказался в целом неэффективным: здание быстро ветшало. По инициативе Собакина в апреле 1762 г. архитектором Деламотом был проведен осмотр бывшего приказного здания, где находились Московская контора КИД и архив. Заключение показало, что стены и своды угрожают падением и гибелью архива. Для архива и Московской конторы КИД наняли за 400 руб. в год казенный дом. Это было бывшее Ростовское подворье в низине Китай-города на Варварке близ Рыбного переулка. 4 ноября 1762 г. в подворье перевезли 337 сундуков и баул с делами архива. Все перевезенные дела, разобранные и описанные, были вынуты из сундуков и размещены в шкафы по государствам и годам. Была продолжена прерванная разборка неразобранных дел и составление на них описей³⁰.

Новое архивное хранилище оказалось не лучше Кремлевских палат, собственно архиву достались в удел самые плохие комнаты и подвалы. Помещение в амбарах и подвалах этого низменного места, недалеко от Москвы-реки, чуть было не оказалось роковым для архива. Ежегодные разливы Москвы-реки наносили архиву огромный урон. Подвалы регулярно затоплялись в половодье, бумаги нещадно истреблялись мышами и крысами. Летом приходилось просушивать материалы, пострадавшие во время наводнения. Одновременно уничтожались дела, которые невозможно было восстановить. Уже через четыре года (в 1766 г.) при-

шлось сжечь собранные в девять сундуков остатки архивных дел, из которых «четыре сундука были с листочками и отрывками от разных столбцов, гнилыми и грязью слеplенными», а все остальное состояло «из одной гнили», которая «лопатами сгребена и в те сундуки складена»³¹.

Вообще 1766 г. стал во многом определяющим для дальнейшей судьбы архива: в архив прибыл известный историк, академик Г.Ф. Миллер. Понимая важную историческую ценность архива, он в течение долгих лет просил Елизавету, а потом и Екатерину о переводе его в Москву, «ибо сей город за Центр всего государства почесть можно, где всякия известия способные и скорые получаемы быть могут, так же и в разсуждении того, что тамошние архивы... историограф сам пересматривать имеет право»³².

В конечном счете эти ходатайства возымели действие, и в январе 1766 г. Г.Ф. Миллер был направлен в МАКИД. Примечательно, что 9 января 1766 г. он направляет письмо вице-канцлеру Коллегии князю А.М. Голицыну, в котором изложил свое видение и свои принципы систематизации архива, в корне отличные от тех, которые были применены при М.Г. Собакине. В частности, Г.Ф. Миллер предлагал систематизировать архив по предметно-тематическому принципу, игнорируя уже сложившиеся архивные комплексы³³. Современные авторы, в частности Т.И. Хорхордина, обратили внимание на тот факт, что Миллер, еще не приступив к работе в архиве, не зная его документацию и сложившиеся системы хранения, предлагает программу его полного преобразования на основе своих личных умозрительных представлений³⁴. В дальнейшем реализация этих планов нанесла весьма серьезный урон архиву.

Анализ историко-архивоведческих взглядов Миллера не входит в задачу данной статьи. Однако можно предположить, что отношения Миллера и Собакина явно оставляли желать лучшего. С точки зрения Миллера Собакин был «ретроградом», который не понимал «передовую» сущность его плана и мешал претворению его в жизнь. При этом сам архив в 1760-х гг. продолжал перестраиваться по плану М.Г. Собакина. Собакин, в свою очередь, явно воспринимал Миллера как человека, поставленного из Санкт-Петербурга с одной целью – следить за ним. В результате в архиве сложилась своеобразная ситуация «двух медведей в одной берлоге».

Безусловно, Миллера и Собакина объединяло общее понимание значимости архива для становления и изучения отечественной исторической науки, а также осознание того, что архиву нужно новое, качественное помещение для хранения документов. И в этом вопросе их действия были вполне скоординированы.

Среди ряда историков, изучавших МАКИД, бытует мнение о решающей роли Миллера в процессе переезда архива в новое здание в Хохловском переулке³⁵. Во многом это объясняется тем, что Миллер в своих письмах и донесениях часто незаслуженно обвинял Собакина в неподдержании его планов по улучшению архива и по организации научного использования его документов. При этом не учитывался факт, что именно Собакин возглавлял архив в период его переезда и именно он серьезно поднимал вопрос о здании архива на самом высоком уровне. Безусловно, Собакин принимал самое непосредственное участие в поисках средств на покупку здания и в переезде туда архива. Уместно привести слова барона Ф.А. Бюлера, который в исследовании «Московский главный архив МИД и его прежние посетители» отмечал, что «когда резиденция была перемещена из Москвы в Петербург, то из оставшихся в Москве свитков, столбцов и дел Посольских и иных приказов образовался новый в России архив, который по справедливости можно также назвать дедушкой всех русских архивов. Императрица Екатерина II, ознакомившись понаслышке с состоянием сего архива, которым в начале ее царствования заведовал сенатор и член Коллегии иностранных дел Собакин, потребовала к себе на прочтение некоторые документы и, желая иметь Историю России, признала сей архив за настоящую руду драгоценнейших в сем отношении материалов»³⁶. Миллер и Собакин постоянно сообщали в Коллегию об опасности нахождения архива в здании Ростовского подворья, «потому что небрежение архивских дел от мокроты в нынешнем наемном доме от часу больше умножается, также и за теснотою малого числа покоев во оном для архивских служителей разбор и опись архива необходимо большего против нынешнего пространства требуют». В 1767 г. они смогли убедить приехавшую в Москву на открытие Уложенной комиссии Екатерину II дать деньги на покупку нового здания для архива. Он же, очевидно с помощью М.Г. Собакина и своих московских знакомых, нашел и само здание – обширный, но запущенный дом вице-канцлера Коллегии князя А.М. Голицына в Хохловском переулке. Весьма симптоматично, что первым владельцем и строителем этого дома был бывший начальник Посольского приказа, талантливый дипломат конца XVII в. Емельян Игнатьевич Украинцев. В 1709 г. после смерти Украинцева здание было пожаловано роду Голицыных. Именно в этот дом и переселились бывшие приказные документы, помогавшие Украинцеву в работе³⁷.

Указ Екатерины II о покупке дома (на средства «из почтовых доходов») датирован 17 ноября 1768 г. На это было потрачено 11 ты-

сяч рублей. После непродолжительного ремонта архив переехал в новое здание в конце 1770 г. Для документов заказали специальную мебель – застекленные шкафы. Удаленный от других строений каменный дом, снабженный к тому же железными ставнями на окнах, гарантировал сохранность бумаг от пожаров, еще и в XVIII в. свирепствовавших в Москве. Здание было достаточно высоким (около 10 метров) и с широкими стенами (1,5 метра). Документы находились «в комнатах со сводами, с чугунными и каменными полами, с оконными решетками и железными ставнями, где государственные акты, грамоты, свитки и хартии размещены были в шкафах и поставлены в совершенную безопасность от воды, от огня, от крыс и мышей»³⁸. Сухие и светлые покои архива позволяли не бояться и нашествия грызунов. Как не без гордости писал впоследствии Ф.А. Бюлер, здесь уже не нужны были кошки, которые в XVIII столетии положены были по штату во французском королевском архиве. В то же время архив не находился «в безопасности ... ни от холода и ни от производимой им сырости»³⁹. Однако в целом это было лучшее здание, на которое мог рассчитывать архив. В этом здании архив располагался до 1874 г. Безусловно, роль М.Г. Собакина в том, что архив наконец получил приличное помещение и тем самым был спасен от гибели, была очень велика.

Служебная карьера М.Г. Собакина шла довольно успешно. В начале 1770-х гг. он был уже тайным советником и сенатором. Кроме того, он занимал почетную должность товарища (заместителя) московского генерал-губернатора. Кстати, столь успешная служебная карьера была довольно редким явлением среди архивистов.

Однако вскоре в 1771 г. в Москве случился страшный «чумной бунт». В Москву была отправлена специальная комиссия графа А.А. Орлова по расследованию причин чумы и последующего бунта. Выводы комиссии относительно деятельности Московской администрации и, в частности, М.Г. Собакина были крайне неутешительны. М.Г. Собакина обвинили в том, что он испугался чумы и последующих событий и не предпринял никаких решительных действий. В результате в январе 1772 г. Собакин был отправлен в отставку. Новым управляющим архива стал академик Г.Ф. Миллер⁴⁰. Столь резкая опала плохо сказалась на и без того неважном состоянии здоровья М.Г. Собакина, и в 1773 г. он умер в своем подмосковном имении.

В заключение статьи хотелось бы сказать еще несколько слов о роли М.Г. Собакина в истории отечественного архивного дела. Здесь нельзя не отметить некоторые работы А.Б. Каменского, посвященные деятельности академика Миллера и истории отечественного архивного дела. Так, например, в работе «Архивное дело

в России XVIII века: историко-культурный аспект» он пишет, что с приходом Миллера в 1766 г. начался «принципиально новый этап в истории архива», началось формирование «архивного сознания»⁴¹. С этим выводом нельзя полностью согласиться. Безусловно, приход Миллера способствовал появлению новых форм и видов деятельности в архиве, особенно в сфере научного использования и публикации документов, меняется отношение к архивам со стороны просвещенной части общества. Но подобный подход при всей справедливости, на мой взгляд, страдает однобокостью: тем самым отрицается и недооценивается работа предшественников Миллера, в частности М.Г. Собакина. Их деятельность по обработке, описанию, систематизации документов, пусть и неосознанно, но создавала все необходимые предпосылки для начала появления нового восприятия архива как учетно-справочного и научно-исследовательского учреждения одновременно. Неудивительно, что в работе А.Б. Каменского нет ни слова о М.Г. Собакине, ни слова о систематизации документов МАКИД в XVIII в. А ведь формирование «архивного сознания», о котором много и справедливо пишет А.Б. Каменский, невозможно без формирования архива как такового, невозможно без знакомства с составом и содержанием его документов, наконец, оно невозможно без создания в архиве всех условий для быстрого поиска справочной и научной информации. А в этих вопросах роль первых руководителей архива, особенно М.Г. Собакина, оказалась чрезвычайно велика.

В целом необходимо отметить значительное место М.Г. Собакина в истории архива. Очевидно, что он понимал значение архива как хранилища ценнейших и важнейших источников по истории Русского государства, а также много заботился о сохранности и состоянии архива. Собакин разработал систему организации и хранения документальных материалов архива, которая отличалась уважительным отношением к «старым делам» и максимально возможным сохранением уже сложившейся (фондовой) структуры. Предложенный им подход создавал все предпосылки для использования «старых дел» или исторической части архива в исследовательской работе. Кроме того, как уже говорилось выше, М.Г. Собакин и в своем плане 1747 г. и в «Рассуждении об архиве» 1756 г. фактически обосновывал необходимость и важность привлечения архивных документов для изучения отечественной истории. Эта идея реализовывалась уже при его преемниках, в частности при Г.Ф. Миллере и Н.Н. Бантыш-Каменском.

Наконец, нельзя не отметить и огромную роль М.Г. Собакина в вопросах подбора кадров для архива. Неслучайно при нем в архиве

начали работать выпускники Московского университета и Киево-Могилянской академии. Двое из них – Н.Н. Бантыш-Каменский и М.Н. Соколовский – впоследствии также стали руководителями архива и считали себя в архивных вопросах учениками М.Г. Собакина. Наконец, Собакин много сделал по приведению дел архива в порядок и его использованию, добился значительного улучшения условий хранения материалов архива.

В целом мы с полным основанием можем сказать, что за уважение к «старым делам», за понимание научно-исторической ценности архива, за высокие требования к подготовке кадров архивных работников М.Г. Собакин заслуживает одного из важнейших и почетнейших мест в истории создания архивоведения как научной дисциплины.

Примечания

- ¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 2. Боярские книги. Д. 176. Л. 94. Оп. 6. Московский стол. Д. 55. Л. 86; Д. 56. Л. 91; Д. 57. Л. 83; Д. 58. Л. 84.
- ² Имянной список всем бывшим и находящимся ныне в Сухопутном Шляхетском Кадетском корпусе Штаб Обер Офицерам и Кадетам с показанием кто из оных с какими достоинствами в какие чины выпускаемы были и в каких чинах ныне состоят. СПб.: Сухопутный шляхетский корпус, 1761. С. 61.
- ³ РГАДА. Ф. 17. Наука, литература, искусство. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–2.
- ⁴ Там же. Ф. 15. Дипломатический отдел. Оп. 1. Д. 203а. Л. 77–78 об.; *Собакин М.Г.* Совет добродетелей о поздравлении всеавгустейшия персоны е. и. в. Анны Иоанновны... в день высочайшаго ея рождения 28 дня генваря, сочинен стихами в Санкт-Петербурге, чрез Михайла Собакина, Шляхетнаго кадетскаго корпуса подпрапорщика, 1738 года. СПб., 1738.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 2. Внутриколлегские дела. Оп. 2/6. Д. 103. Л. 20.
- ⁶ Там же. Д. 3933. Л. 5–8.
- ⁷ РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 1. Д. 8. Л. 250–250 об.
- ⁸ Там же. Д. 12. Л. 167–177.
- ⁹ Там же. Д. 14. Л. 49–49 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 20. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Л. 12 а–12 в об.
- ¹² Там же. Д. 20. Л. 4.
- ¹³ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–20.
- ¹⁴ Там же. Л. 23–24 об.
- ¹⁵ *Дремина Г.А.* Московский архив Коллегии иностранных дел // *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Государственные архивы СССР: Из истории Центрального государ-

- ственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959. С. 44.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 238–238 об. (*далее в скобках указаны листы этого дела*).
- ¹⁷ *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 120.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 233.
- ¹⁹ Там же. Л. 302.
- ²⁰ Там же. Л. 304, 313–314.
- ²¹ Там же. Д. 24. Л. 156–157.
- ²² Там же. Д. 32. Л. 27–29.
- ²³ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1444. Л. 3.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 32. Л. 65.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 1444. Л. 3–5.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 35. Л. 205–205 об.
- ²⁸ Там же. Д. 36. Л. 349–350.
- ²⁹ Там же. Д. 36. Л. 503–504 об.
- ³⁰ Там же. Д. 38. Л. 266–273, 400.
- ³¹ Цит. по: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 179.
- ³² РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера. Портфель 421. Д. 4. Л. 13–13 об.
- ³³ Там же. Ф. 180. Оп. 3. Д. 43. 1766 г. Л. 1–4.
- ³⁴ *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М., 2012. С. 70–71.
- ³⁵ *Чирков С.В.* Хохловский переулок, 7 // У Покровских ворот. М., 1997 (Серия «Биография московского дома»); *Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986.
- ³⁶ Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах. С. 119.
- ³⁷ *Чирков С.В.* Указ. соч. С. 158–159.
- ³⁸ *Самошенко В.Н.* Указ. соч. С. 20; *Бюлер Ф.А.* Указ. соч. С. 53.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 32. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 1–3.
- ⁴¹ *Каменский А.Б.* Архивное дело в России XVIII века: Историко-культурный аспект: Учеб. пособие. М., 1991. С. 53.